

Муниципальное казенное учреждение культуры
«Петровская централизованная библиотечная система»
Методико-библиографический отдел

12+

НАЗЫВАТЕЛЬ ВЕЩЕЙ

К 125-летию со дня рождения
советского писателя
Юрия Карловича Олеси

Светлоград, 2024.

«Во-первых, я родился в 1899 году, то есть на рубеже двух столетий; во-вторых, окончил гимназию, то есть вступил в зрелость в том году, когда произошла революция; и в-третьих, я интеллигент, наследник культуры, которой дышит весь мир и которую строители нового мира считают обреченной на гибель».

Это запись из дневника Юрия Олеши за 1931 год. Он же – автор сказки «Три толстяка» и ослепительного романа «Зависть», драматург МХАТа и Театра Вахтангова, его последнюю пьесу репетирует Мейерхольд, ведущие режиссеры с нетерпением ждут его новых работ, издательства готовы печатать все, что выходит из-под его пера. Но из-под пера выйдут только невнятные наброски, газетные статьи и дневники.

Создается ощущение, что Юрий Олеша прожил за шестьдесят с небольшим не одну, а несколько жизней, и все они были разные и противоречивые. Бедная, но счастливая молодость, успех фантазийных «Трех толстяков», а затем – запрет на публикации и упоминание его имени, почти забвение и литературная обочина.

А вот посмертная судьба писателя оказалась вдруг счастливей даже его молодости – статус классика он приобрел сразу, как только был прочитан заново.

Данное пособие поможет специалистам, организующим познавательный и творческий досуг населения: библиотекарям, работникам культуры в проведении обзоров, организации книжных выставок, викторин и часов-портретов, преподавателям вузов и учителям словесности средних школ и колледжей в подготовке уроков-презентаций, литературных вечеров.

Будущий писатель родился 3 марта 1899 года в Елисаветграде – сейчас это украинский город Кропивницкий. Его семья происходила из древнего рода польских дворян. Мать Олеша была убежденной католичкой. Отец, акцизный чиновник Карл Олеша, до появления сына владел большим имением Юнище, но продал его за крупную сумму. От вырученных денег через несколько лет не осталось и следа: отец и дядя Юрия Олеша были азартными игроками в карты. *«Я вспоминаю какую-то семейную ссору, сопровождающуюся угрозами стрелять из револьвера, и ссора эта возникает, как вспоминаю я, из-за остатков денег, тоже проигранных»*, – писал Олеша в книге «Ни дня без строчки». О былом богатстве напоминал только родовой герб – олень, рога которого украшала корона.

Была у Юрия старшая сестра Ванда, которая умерла в ранней юности от тифа.

Когда Юрию Олеше исполнилось три года, семья переехала в Одессу. Воспитанием мальчика занималась бабушка. Она учила его арифметике и русскому языку, помимо родного польского.

1905 год стал воспоминанием со вкусом пороха и дыма.

Брат и сестра. Юрий и Ванда. Конец 1900-х годов

Юрий Олеша поступил в Ришельевскую гимназию, стал одним из лучших учеников. Особенно ярко он проявился в новой английской игре, которая стремительно входила в моду – футбол. Ещё в годы учёбы начал сочинять стихи.

Олеша писал, очарованный Гумилевым, ведь тот рассказывал о странах, в которых Олеша собирался побывать.

Он обожал Пушкина, Лермонтова, любил Тютчева, нежным было его отношение к Чехову. Он говорил: *«Читая Достоевского, я содрогаюсь. От его гениальности можно оцепенеть»*.

Он умел восхищаться Андерсеном, Гофманом, Уэллсом, Твенном, Грином, а в последние годы Хемингуэем. Некоторое время его увлечением был Леонид Андреев, но оно недолго продолжалось. Олеша

Ришельевская гимназия, 1910 год

охладел к немного наигранному, но скорбному таланту этого большого русского писателя.

Олеша высоко ценил могучий талант Маяковского и хорошо знал его стихи. Знал он наизусть и Блока.

Читая книги, Олеша никогда не становился их рабом. Он умел их слушать, беседовать с ними, улавливать их скрытое, подводное звучание. Он узнавал их с первого взгляда, читал быстро, влюбляясь в одни и отвергая другие.

В 1917 году по окончании гимназии Олеша поступил в Одесский университет, где два года изучал юриспруденцию.

Мир вокруг безвозвратно меняется, поэтому Олеша, подражая Северянину, выступает в одесских клубах и кабаре. Жизнь обещает перемены, любовь и славу. В Одессу доходили волновавшие воображение слухи об удивительной деятельности поэтов в Москве – они чита-

ют стихи на площадях. Рассказывали о Маяковском, было ощущение, что искусство в Советской России начинает приобретать какое-то новое значение.

В 1920 году Олеша вместе с молодыми литераторами Валентином Катаевым, Ильёй Ильфом, Эдуардом Багрицким и другими юными одесситами образовал группу «Коллектив поэтов». Кумирами начинающих поэтов были (помимо Блока и Гумилева) Маяковский, Ахматова, Северянин и Бальмонт. Именно к этому времени относились первые драматургические опыты Олеша: он пишет пьесу «Маленькое сердце» на сюжет стихотворения поэтессы Зинаиды Шишовой.

Об этом раннем опыте Олеша рассказывал поэт Б. Бобович: «Много лет назад Олеша читал нам свою юношески трогательную лирическую пьесу «Маленькое сердце». Уже тогда она свидетельствовала об авторском вкусе, протестующем против шаблона и литературной приземленности. Было в этой пьесе что-то от Стриндберга, но собственное ощущение явлений светилось совсем по-олешински. Мы, участники литературного кружка

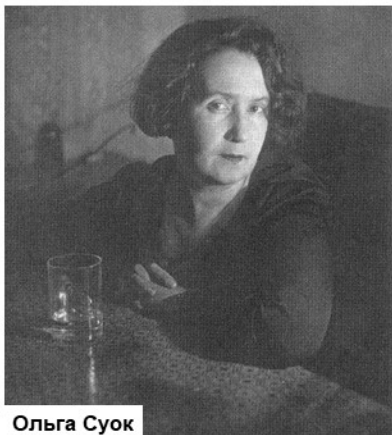
«Зеленая лампа», разыграли «Маленькое сердце» на сцене Одесской консерватории. Часто потом Юрий Олеша об этом своем раннем драматургическом опыте и говорил о нем и

грустно, и, может быть, чуть иронически, но всегда с шемящей жалостью об ушедшей юности, с чуть звучавшей в его голосе болью и добротой». К сожалению, текст пьесы был утерян.

Всех друзей и знакомых привлекали в Олеше щедрость и неиссякаемость его воображения. Нельзя было без изумления наблюдать за тем, как в любом разговоре, особенно когда дело касалось искусства, литературных явлений, поэзии, путешествий, всевозможных открытий, его захлестывало стремление помечтать, усилить рассказанное или услышанное, внести свое, им лично придуманное, добавленное, воображенное. Так обрастал олешинским воображением случай, анекдот, эпизод, мелкий факт. Впоследствии он писал: *«Сестра моя Воображение – опрометчивая особа».*

В 1918 году Одесса постоянно переходила из рук в руки. Город занимали французы, немцы, англичане, поляки, австрийцы, петлюровцы, колчаковцы, деникинцы и гетманцы. В самой Одессе тем временем работали театры, кабаре развлекали публику и печатались поэты.

Волна за волной прибывали беженцы, в том числе – весьма известные в художественной среде люди. А когда в начале февраля

Ольга Суок

1920 года Одессу окончательно заняли части Красной армии, в Одессе появился поэт Владимир Нарбут, обладавший редким организаторским даром. Он быстро собрал вокруг ЮгРОСТА (южное отделение Всеукраинского бюро Российского телеграфного агентства) активно пишущих людей. В литературной

секции ЮгРОСТА работали И. Бабель, В. Багрицкий, И. Ильф, В. Катаев, Ю. Олеша, З. Шипова и Л. Славин.

Весной 1920 года в Одессе Олеша сочинил одноактную пьесу «Игра в плаху», и тогда же ее поставил Театр революционной сатиры (Теревсат). Бродячие комедианты, которых приглашают по двору короля, предлагают королю поиграть с ними вместе в игру, и он до последней секунды думает, что он играет, а ему отрубают голову всерьез. Королевская голова летит на площадь. Занавес. Ни восторженных криков толпы, ни даже дежурной ремарки «народ ликует». Ликуют ли автор? Пьеса выдержала всего несколько представлений. Олеша не упомянет о ней ни в одной автобиографии.

В 1921 году Олеша переехал по приглашению Владимира Нарбута на работу в Харьков. Работал журналистом и печатал стихи в газетах, пережил бурный роман с Серафимой Суок. После их расставания несчастного Олешу утешала другая сестра Суок – Ольга. Утешение переросло в близость. Ольга Густавовна Суок проживет с Олешей всю жизнь.

В редакции газеты «Гудок»

В 1922 году родители Олешы эмигрировали в Польшу, а он сам вместе с Катаевым переехал в Москву. Работать они пошли в «Гудок», газету Министерства путей сообщения СССР и ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта. Публиковались на четвертой полосе, в основном фельетоны и читательские письма, чаще всего перелицованные до неузнаваемости и снабженные заголовками вроде «Шайкой по черепу» или «И осел ушами шевелит».

В «Гудке» под псевдонимом Зубило Олеша снискал невероятную популярность дорожников своими стихотворными фельетонами.

Писал Юрий Карлович на удивление легко и свободно. Когда этого требовала газета, Олеша писал два фельетона, один за другим, не вставая с места. Он был мастер, а мастерство рабочие уважают.

Свой талант стихотворца-импровизатора Олеша охотно демонстрировал на съездах железнодорожников. Делалось это так. Делегаты съезда, до отказа заполнявшие зрительный зал, делились по среднему проходу на две половины – левую и правую. Предлагалось правой, например, половине сказать какое-нибудь слово, а левой – рифму к нему:

Дорога – немного,
Флажок – дружок,
Вагон – самогон и т. д.

Таких срифмованных пар набиралось десятка два.

Олеша стоит в стороне на эстраде и карандашиком помечает у себя что-то на листке. Но вот сказана последняя рифма, Олеша выступает вперед, на авансцену, и начи-

нает без запинки читать стихи, построенные им точно на тех самых рифмах, которые только что предложил зал.

Эффект получался ошеломляющий.

Имя Зубилы стало знаменитым. Он получал сотни писем. Когда он как сотрудник редакции газеты «Гудок» ездил в командировки, его встречали просто на ура. Олеша собирал на своих выступлениях огромные аудитории.

Он выступал в железнодорожных депо, в паровозных цехах. Ничего не может быть более волнующего, чем эти длинные гулкие пролеты, заполненные рабочими, которые взбирались на станки, на вагонетки, на подъемные краны. Какой театральный зал может сравниться с такой аудиторией!

В большую литературу Олеша не просто вошел, а ворвался – сразу, красиво и громко. Ворвался двумя романами: романом для детей «Три толстяка» (1924 год) и романом «Зависть» (1927 год). Причем публиковались эти романы в порядке, обратном написанию: сначала, в 1927 году, был напечатан роман «Зависть», а «Три толстяка» увидели свет в следующем, 1928 году.

Роман «Зависть» прославил Олешу на весь мир. Два героя, не находящих себе место в новом социалистическом мире, организуют против него «заговор чувств». А рядом с ними живут здоровые люди, которые работают на благо человечества и рационально относятся к жизни.

Обложка издания 1929 года

Олеша сталкивает эти два мира, а читатель, между тем, не может не почувствовать симпатию писателя к миру отверженных циников. Позже Олеша признавался, что образ главного героя – шута и завистника Кавалерова – это утрированный автопортрет.

«Зависть» насчитывала 300 черновых начал, Олеша остановился на 301-м. *«Я болен, – сокрушался он, – у меня болезнь фразы: она вдруг на третьем или четвертом звене провисает... Я почти конкретно вижу это выгнувшееся книзу брюхо... Писательство, как писание подряд, как без строчек одна за другой, становится для меня недоступным».*

Сразу по выходе роман был подвержен многосторонней критике, вызывая многочисленные споры о том, что хотел сказать автор? Чью сторону занял он в романе? Кого бичевал, кого защищал, в ком видел будущее?

Роман «Зависть» получил многочисленное количество отзывов всех советских литературных учреждений, в том числе в официальной государственной газете «Правда». Критика признала, что появился новый отличный писатель, поразивший филигранностью отделки, оригинальностью формы, тончайшими деталями, неожиданными, сверкающими сравнениями.

В «Зависти» было что-то болезненно пережитое. Позднее называли подлинные имена персонажей и ситуации, схожие с теми, что были в жизни. Но дело не в этом, — роман пленял новизной формы, остроумием, свежестью языка. К тому же он был сугубо современным.

В книге, написанной человеком, пережившим первое десятилетие нового государства, конфликт художника и общества возникает из-за того, что художник ждал от революции нечто иное, чем то, что она могла или должна была дать.

Художник ждал от революции свободы, но в том значении, которое придается этому слову в предреволюционном обществе. Предреволюционное общество, прочитавшее очень много книжек по истории, знало, что революции, которые бывали раньше, приносили людям духовную свободу. Так как книги были серьезными, и эрудиция русского интеллигентного общества была обширной, то имелось серьезное основание предполагать, что и эта революция будет не хуже других.

В 1929 году на основе романа Олешей была написана пьеса «Заговор чувств», спектакль по которой поставила

сцены я чувствую драматурга настоящего пока только в трех – Булгаков, Афиногенов и Олеша», – замечал в конце 1931 года театральный режиссер Владимир Немирович-Данченко. По мотивам «Трех толстяков» в 1950-х годах поставили балет, а в 1966-м на экраны вышел одноименный фильм режиссера Алексея Баталова.

Параллельно в конце 1920-х годов Олеша пишет рассказы, часть из которых вошла в авторский сборник «Вишневая косточка» (1931).

Их отличает поэтическое восприятие мира, парадоксальность, метафоричность, темы отверженности, человеческой слабости и непостоянства счастья.

Созданные Олешей романы – это своего рода новые сказки, востребованные сложным временем, когда общество не просто завершало одну эпоху, но активно искало ценностные ориентиры для эпохи новой. Романы Юрия Олеша представляют интерес потому, что в них можно явственно видеть метания художественной мысли 1920-х годов из крайности в крайность в поисках путей осуществления идеалов, провозглашенных Октябрем.

К концу 20-х годов Юрий Олеша вхож в самый узкий круг людей, которые удостоены лавров гения уже при жизни. Двое из них оставили в его душе неизгладимые следы, более похожее на рубцы.

«Мне приснился сон, в котором я разговаривал с Маяковским с глазу на глаз. Лицо доброе, грустное, мне даже кажется, что в глазах у него слезы».

Евгения Морес в роли Суок в спектакле «Три толстяка», 1930

Второй живой гений, с которым довелось дружить Олеше, был всемирно известный режиссер-новатор. *«Замечательнейшим из людей, которых я знал в моей жизни, был Всеволод Мейерхольд. В 1929 году он заказал мне пьесу. Я думал – если познакомлюсь с ним когда-нибудь, какое это будет для меня счастье. Теперь познакомился. Немало того: он будет ставить мою пьесу».*

Для Мейерхольда он хочет написать хорошую пьесу, но чувствует, что как художник расходится с генеральной линией. Кому понятны моральные конвульсии интеллигента?

Ко всему происходящему у Олеши все больше вопросов и вдруг возникает такой вопрос, ответ на который лучше не знать.

«Я помню чувство осиротения, которое испытал я, когда мне сказали, что час тому назад Маяковского не стало. Как? Боже мой, навсегда? Это навсегда?»

Михаил Файнзильберг (брат Ильи Ильфа), Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Юрий Олеша и Иосиф Уткин на похоронах Владимира Маяковского. 1930 год

Не может главный певец революции на вершине успеха пустить себе пулю в сердце.

В черновиках пьесы «Список благодеев» появляется чудовищная реплика одного из героев: «Это в Советском союзе всем хорошо: и убийце, и убитому. Убийца исполняет волю истории, убитый – жертва закономерности, и все довольны».

Когда Олеша впервые прочитал пьесу труппе, Мейерхольд сказал: «В вашей пьесе есть яд». Естественно, «яд» почувствовал не только Мейерхольд. Текст пьесы многократно переписывался – четыре варианта, бесконечные правки, любое сомнение запрещено, каждая мысль стара и буржуазна.

Ю. Олеша и Вс. Мейерхольд на читке пьесы в Гости-
Ме. 1931

Актер Э. Гарин в письме к жене писал: «Я бы всю тройку – З. Райх, мастера [Мейерхольда] и автора – отправил на лесоповал». Когда Олеша читает пьесу труппе, с места задается вопрос: «Что такое Гильденштерн?».

Спектакль три сезона давал полные сборы, после чего был снят (не по цензурным соображениям).

Сам Юрий Олеша был согласен с тем, что его творчество чуждо рабочему классу: *«Не подлежит никакому сомнению, что все, написанное мною, пролетариату совершенно неинтересно и не нужно».*

Лавина славы и признания подхватила Олешу. Театры конкурировали за право первыми ставить вещи молодых со-

ветских авторов, и, когда Театр имени Вахтангова заказал Олеше пьесу по мотивам «Зависти» – «Заговор чувств», влиятельный завлит МХАТа Павел Марков не скрывал своей досады.

Марков лично познакомился с Олешей в гостях у Валентина Катаева, друга Юрия Карловича с одесской юности. Чтобы взять реванш, предложил написать пьесу по «Трем толстякам» – от этой революционной сказки с цирковым антуражем был в восторге сам К. С. Станиславский. Премьера «Трех толстяков» состоялась в мае 1930-го.

«Я – автор Художественного театра: Метерлинк, Чехов, Андреев и я. Вы только подумайте. <...> я, маленький гимназист, житель Одессы, папин и мамин сын, тоже стал автором знаменитого театра».

Так писал Юрий Олеша в дневнике в 1930 году.

Сотрудничество с новым автором во МХАТе мечтали продолжить. Замысел пьесы, которую заказал Олеше театр, вдохновлял: Олеша планировал сочинить историю о писателе Модесте Занде, ум которого занят мыслями о романе про новую социалистическую жизнь, а сердце раздираемо любовью к бросившей его жене. «Его волновал вопрос о том, как старые подпольные чувства могут овладеть человеком-строителем, созидателем мира нового», – комментировал позже Марков. Это было в духе «Заговора чувств» и обещало стать лебединой песней Олеша, самым личным его текстом. Не случайно в те же годы Юрий Карлович записал в домашнем журнале Корнея Чуковского «Чукоккала»: *«Мы, тридцатилетние интеллигенты, должны писать только о себе. Нужно писать исповеди, а не романы».*

Но исповедь осталась незавершенной. Осенью 1931 года Павел Марков задумал устроить в театре читки трех новых пьес: «Мольера» Михаила Булгакова, «Самоубийцы» Николая

Эрдмана и «Смерти Занда» Юрия Олеши. Первые две пьесы и правда во МХАТе прочли. Однако маховик власти раскручивался стремительно: скоро Булгакова лишат возможности работать, Эрдман через несколько лет будет арестован. Ну а Олеша? Он предпочтет растоптать свою судьбу сам – предвосхищая худшее, в предчувствии запрета на собственный голос. Ту мхатовскую читку Олеша проигнорировал. «Он не только не пришел в театр, но даже не позвонил. А поздно вечером я встретила его с Мейерхольдом в нашем переулке», – с возмущением докладывала секретарь Немировича-Данченко Ольга Бокшанская своему шефу. Бокшанская считала, что никакой пьесы у Олеши нет, что в лучшем случае она у него в черновиках, а то и просто в голове.

На Петровском бульваре, 1930. Фото из фондов Российского государственного архива литературы и искусства

Пьесу он действительно не дописал. Из шести сцен полностью были написаны четыре, а две последние – оставлены в эскизах. Полностью в авторском варианте пьеса была напечатана лишь однажды – в начале 1990-х годов в журнале «Театр». В 1930-е годы Олеша под давлением идеологических установок пытается перестроиться и мыслить в соответствии со временем. Две его попытки в этом направлении были особенно удачными –

рассказ «Альдебаран» (1931) и киносценарий «Строгий юно-

ша» (1934). Однако премьере фильма, снятого Абрамом Ро-
мом, помешало вышедшее в июле 1936 года постановление
нового руководства треста «Украинфильм», запретившее
фильм. В качестве одной из причин назывались «грубейшие от-
клонения от стиля социалистического реализма».

Фильм «Строгий юноша» положили на полку на тридцать
лет, Олешу вычеркнули из литературы на двадцать.

С 1936 года были запрещены
к изданию книги Олеша. В 1937
году начинается большой террор,
погибли и умерли многие друзья
Олеша, за ним устанавливается
постоянная слежка. Пасынок Оле-
ши в нервном припадке покончил
с собой. Страшным ударом для
Олеша стал арест его великого
друга Всеволода Мейерхольда и
после – смерть жены режиссера
актрисы Зинаиды Райх.

В годы войны Олеша жил в эва-
куации в Ашхабаде, работал там на радио, вернулся в Москву
только в 1947 году. Обстановка в стране и в культуре оказывала
на Олешу заметное угнетающее воздействие. Писать по канонам
соцреализма он не хотел и не мог. *«Всё опровергнуто, и всё ста-
ло несерьёзно после того, как ценой нашей молодости, жизни –
установлена единственная истина: революция»*, – записал он в
своём дневнике.

Свои вещи Олеша писал очень медленно, с мучительным
тщанием работая над постройкой каждой фразы. Поэтому для
заработка он брался за исправление и усовершенствование чужих
работ. Он писал диалоги для сценариев, делал инсценировки,
переводы.

Иногда и эти ремесленные поделки под его рукой превращались в маленькие шедевры.

Олеша время от времени публиковал статьи в газетах, но рассказов, романов и пьес почти не писал. В отличие от Булгакова, который мог написать в стол «Мастера и Маргариту», Олеша не мог писать, не рассчитывая на читателя.

Творчество Олеша с середины 1930-х годов до смерти – куча набросков и дневниковых записей, которые не складывались в единое целое. Олеша много пил, постоянно сидел в ресторанах на чужие деньги, много балагурил и все больше убеждался в своей отверженности. Он сам превращался в того циничного и грустного нищего бродягу, о котором писал в «Смерти Занда» и планировал написать в романе «Нищий», который так и не создал.

В середине 50-х годов Юрий Олеша вышел из литературного небытия, двадцатилетнего забвения, непечатания, случайных халтурных заработков. С его имени снимут запрет, снова издадут «Трех толстяков» и сборник «Избранное». Публика заново открывает, что в советской литературе существует великолепная повесть «Зависть», и автор ее жив, не так уж стар, и от него можно ожидать потрясающих вещей. Говорят, он пишет автобиографию. Это будет настоящее открытие!

Олеша востребован, вошел в моду, цитировать фразы из его «Зависти» становится хорошим тоном. Стареющий писатель чувствует себя обязанным ответить на вспыхнувший читательский интерес.

Увы, создать нечто крупное, цельное, с развернутым сюжетом и яркими персонажами уже не получится. Дыхание стало совсем коротким, его хватает лишь на отрывочки, заметочки, афоризмы, сверкающие, но бессвязные метафоры и сравнения, литературные реминисценции, беглые зарисовки друзей и знакомых, воспроизведение их тонких замечаний и наблюдений, остроумных реплик и диалогов.

За эти годы Олеша окончательно вжился в роль нищего. В пятидесятых он будет сидеть в кафе «Националь» за чашкой кофе, стопкой водки или рюмкой коньяку, известные люди почтут за большую удачу провести время в компании Юрия Карловича.

10 мая 1960 года Юрий Олеша умер от инфаркта. Ушел, оставив нам роман «Зависть», множество стихов, несколько рассказов, пьес и их экранизаций и тысячи страниц рукописей. Из этих записей Виктор Шкловский собрал знаменитую книгу «Ни дня без строчки», Виолетта Гудкова – «Книгу прощания», режиссер Михаил Левитин восстановил и поставил в театре пьесу «Нищий или смерть Занда». И конечно, с нами до сих пор вечная сказка «Три толстяка».

Олеша всегда был верен высоким надеждам человечества, никогда не сказал компромиссного слова, не включал в свои про-

изведения строк, в которых не был уверен, он никогда не терял оптимизма, умея смотреть на жизнь открытыми глазами.

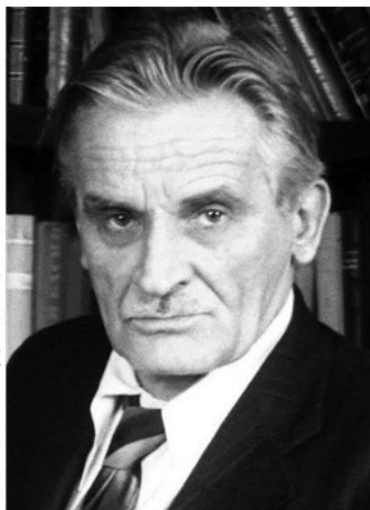
О нём можно сказать, что он не старел, а лучше ещё сказать, что он не взрослел. Каким-то естественным образом очень органически соединялись мудрость и детскость.

Юрий Карлович Олеша писал очень просто. У него во фразе нет перестановок слов, эпитеты не выглядят изысканными, яркие метафоры, вернее – то, что называют метафорами, сопоставления вещей, – его способ видеть. Все это очень просто, просто до удивительности. Он обладал способностью просто и удивительно видеть мир, делать свое мироощущение понятным, дарить его.

Он с поразительной яркостью описал одну из наиболее иссушающих страстей – зависть. Он любил людей талантливых и умных и склонен был преувеличивать их талант и ум. Но и к бесталанным и глупым он не относился свысока, – нет, он смотрел и слушал их с удивлением, интересовался ими и чуточку их жалел, как бы не понимая, как можно такими быть.

Олеша был добросовестен в высочайшей степени. Что бы он ни писал пьесу, рассказ или маленькую рецензию для «Литературной газеты», отзыв о книжке молодого автора или инсценировал для театра роман, – он делал с полной отдачей сил.

«В конце концов неважно, чего я достиг в жизни, важно, что я каждую минуту жил», – писал Юрий Олеша.

Список литературы

Белинков, А. В. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / А. В. Белинков. – Москва: Культура, 1997. – 539 с.

Написанная со страстью и горечью, пером ярким и острым, книга «Юрий Олеша» показывает драму талантливого советского писателя, сломленного в результате мелких и крупных компромиссов с властью. Но проблема поставлена автором шире – о взаимоотношениях интеллигенции и тоталитарного государства, интеллигенции и революции.

Бродская, Е. В. Пьеса Ю. К. Олеша «Список благодарный» в зеркале советской критики: о статусе советской интеллигенции в начале 1930–х гг. / Е. В. Бродская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 11. – С. 17–24.

Воспоминания о Юрии Олеше / Составители: О. Суок-Олеша, Е. Нельсон. – Москва: Советский писатель, 1975. – 315 с.

Юрий Олеша – один из талантливейших советских писателей. В сборнике воспоминаний о нем участвуют близко знавшие его современники. Здесь воспоминания известных писателей – В. Шкловского, Вл. Лидина, Л. Славина, Я. Смелякова – и деятелей искусства – балерины О. Лепешинской, актеров М. Яншина и Б. Ливанова, известного спортсмена А. Старостина и многих других.

Олеша, Ю. Книга Прощания / Ю. Олеша; редактор А. Л. Костаян; вступительная статья В. Гудковой. – Москва: ПРОЗАиК, 2015. – 493 с.

Юрий Карлович Олеша (1899-1960) – мастер прозы, прочно занявший свое место в литературе XX века.

Блестящий фельетонист газеты «Гудок» в начале двадцатых, к концу десятилетия он стал одним из самых известных писателей своего времени: романы «Зависть» и «Три толстяка» при-

несли ему настоящую славу, пьесы наперегонки ставили лучшие театры.

Казалось, Олеше суждено все выше подниматься на волне своего успеха, но в начале тридцатых писатель надолго замолчал. Что же произошло?

На этот вопрос и отвечает «Книга прощания» – самая откровенная, самая грустная и самая мудрая книга, которую Олеша писал всю оставшуюся жизнь.

Она составлена из заметок Олеша, носящих преимущественно автобиографический характер, в которых соседствуют оригинальные и острые трактовки событий «большой жизни» и лирическая исповедь, размышления о смысле жизни и литературном процессе.

Олеша, Ю. К. Малое собрание сочинений / Ю. К. Олеша. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020. – 637 с.

Седова, О. Театральный палимпсест: [Рецензия на книгу: Гудкова В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодетелей» (Опыт театральной археологии). – М.: НЛО, 2002.] / О. Седова // Знамя. – 2003. – № 12. – С. 221-223.

Чудакова, М. О. Мастерство Юрия Олеша / М. О. Чудакова. – Москва: Наука, 1972. – 101 с.

В книге раскрывается творческий мир видного советского писателя – Юрия Олеша. Автор не ограничивается описанием художественного мира писателя, а дает его в связи с общим движением литературного процесса 20-х–30-х годов. Работа М. О. Чудаковой получила премию Московского городского комитета ВЛКСМ на смотре-конкурсе работ молодых ученых по общественным наукам, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Шкловский, В. Глубокое бурение / В. Шкловский // Юрий Олеша. Избранное. – Москва: Правда, 1983. – С. 5–12.

Юрий Олеша по кличке «Писатель» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fJqmAMqc6jI> – (Дата доступа. 29.02 2024 г.) – Заглавие с экрана.

Попытка на основе дневников писателя и при помощи выразительных средств кинематографа отобразить метания талантливого человека, умершего в литературе за тридцать лет до своей физической смерти. Телевизионная премьера состоялась на телеканале «Культура» в 2009 году.

Называть вещи: библиографическое пособие / составитель Е. В. Ткаченко; МКУК «Петровская централизованная библиотечная система». – Светлоград, 2024. – 24 с.

Светлоград, пл. 50 лет Октября, 10

Тел.: 8(86547) 4-27-61

4-65-41

E-mail: petrovskaya-library@yandex.ru

Сайт: www.bibliosvet.ru